

А.Е. Тарасов,
г. Москва

К ИСТОРИИ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

Знаменитый Ферапонтов в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастырь, расположенный у Бородавского озера, – один из видных представителей Русской Фиваиды на Севере. Его значение как крупного духовного и культурного центра Белозерья бесспорно. Ферапонтова обитель, основанная в пределах Ростовской епархии, также сыграла и заметную роль в политической жизни Руси. Уже в первые десятилетия своего существования монастырь был вовлечен в самую гущу политических событий столь значимого для русской истории XV в. О перипетиях того бурного времени и пойдет речь далее.

Традиционное для исторической науки представление об основании преподобным Ферапонтом монастыря на Бородавском озере в конце XIV столетия, и даже точнее – в 1398 г.¹, принятое обществом и распространенное в популярных изданиях², сейчас поколеблено. М. С. Серебряковой было высказано вполне аргументированное предположение, что устройство обители, в связи с выдачей антими́нса для отстроенного в ней храма в честь Рождества Пресвятой

Богородицы 8 сентября 1409 г. следует относить именно к 1409 г. Продолженное изучение древних антими́нсов Ферапонтова монастыря дало дополнительные основания считать гипотезу о возникновении этой обители в 1409³ г. вполне возможной. Однако стоит учитывать: берущаяся за дату основания монастыря дата освящения антими́нса свидетельствует о начале полноценной церковной жизни монашеской общины и совсем не означает, что иноческое поселение было создано преподобным Ферапонтом именно в сентябре 1409 г. Скорее всего, какое-то время до этого события монашеская жизнь на берегу Бородавского озера уже существовала. Хотя временной промежуток между поселением преподобного Ферапонта в Белозерье и выдачей храму Рождества Пресвятой Богородицы антими́нса вряд ли был очень велик: суть иноческого пути подразумевает обязательное молитвенное предстояние и служение Богу, центром которого является совершение литургии в храме.

Состояние источниковой базы наводит на мысль, что в пору своего возникновения Ферапонтов мо-

настырь, по всей видимости, был для современников рядовой, ничем не примечательной обителью – одной из многих на Русском Севере. И это несмотря на прижизненное почтительное отношение к ее основателю некоторых представителей политической элиты той поры: уже после создания обители сын Дмитрия Ивановича Донского князь Андрей Можайский (1382–1432), в удел которого входило и Белоозеро, упросил преподобного Ферапонта переселиться в Можайск и основать там новый монастырь⁵. Впрочем, князь Андрей не забывал о первой обители и оказывал ей определенную материальную поддержку. Автор Жития преподобного Ферапонта, упоминая в 1540-е гг. о пожалованиях Андрея Дмитриевича, его жены и их детей в монастырь «не токмо домы... с пашнями, но и езера многыя, и реки», говорит о данных на них жалованных грамотах «с крепкими подписми и печатми Пречистыа ради Богородица». То, что приведенное свидетельство не является общим местом, а вполне отражает историческую действительность, подтверждается дальнейшим текстом Жития, в котором его автор прямо заявляет, что видел эти грамоты: «И нами видими [грамоты] суть милостию Божиєю»⁶.

В связи со сказанным заслуживает внимания одно интересное обстоятельство: 9 февраля 1473 г. князь Михаил Андреевич Белозерский, сын Андрея Дмитриевича, выдал Кириллову монастырю жалованную «ободную» данную и несудимую грамоту на все его земельные угодья, в которой подтвердил свои прежние пожалования, а также пожалования отца

и «бабы своая великия княгини Овдотьи»⁷. Бабка князя Михаила «Овдотья» – это жена Дмитрия Донского великая княгиня Евдокия (Евфросиния). Раз она давала какие-то пожалования в Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в уделе ее сына князя Андрея, то можно предположить, что пожалования великой княгини должны были бы исходить и в обитель преподобного Ферапонта, тоже находящуюся на сыновних землях, и основателя которой столь почитал князь Андрей. Однако никаких, даже глухих, упоминаний об этом нет. Великая княгиня Евдокия (Евфросиния) умерла 7 июня 1407 г., т.е. более чем за два года до дня выдачи антимиаса Рождественскому храму Ферапонтова монастыря. Не является ли отсутствие ее жалованных грамот в Ферапонтову обитель косвенным подтверждением гипотезы об основании монастыря на Бородавском озере как раз в 1409 г. Разумеется, пожалований со стороны великой княгини могло и не быть в принципе – отношения Евдокии (Евфросинии) с преподобным Ферапонтом вовсе не обязательно должны были повторять ее отношения с преподобным Кириллом⁸.

Итак, какие-то княжеские пожалования в Ферапонтов монастырь были уже в первые годы его существования, причем не только со стороны Андрея Дмитриевича, но и его жены Аграфены, дочери князя Андрея Патрикеевича Стародубского. Однако, к сожалению, ничего более определенного о данных пожалованиях сказать нельзя – документальные свидетельства о них не сохранились. До наших дней дошел лишь один источ-

ник, непосредственно указывающий на хозяйственно-административную жизнь Ферапонтовой обители эпохи князя Андрея Можайского: недатированная купчая докладная грамота преподобного Кирилла Белозерского на деревни Мигачевскую и Городище, приобретенные «у черньца Ферапонта... в дом Пречистой Богородици и честнаго ея Успенья ввек»⁹. Сам факт того, что еще до ухода святого Ферапонта в Можайск основанный им монастырь имел материальную базу своего существования, очень примечателен. Деревни могли быть приобретены преподобным в самое первое время его пребывания на Белоозере¹⁰. Не исключено, впрочем, и то, что святой Ферапонт купил Мигачевскую и Городище перед тем, как поселился в Белоозере и основал здесь монастырь¹¹. Кто же являлся владельцем Мигачевской и Городища прежде того, как они оказались во владении преподобного Ферапонта?

С большой долей вероятности, можно говорить о принадлежности этих населенных пунктов княгине Феодосье, жене князя Федора Романовича Белозерского, погибшего вместе с сыном в битве на Куликовом поле в 1380 году. В результате пресечения линии белозерских князей Белоозеро стало выморочным и перешло в руки великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского¹². В свою очередь, Дмитрий Донской по духовной грамоте передал Белоозеро в 1389 г. в удел сыну Андрею: ему досталась вся территория Белозерского княжения за исключением пяти волостей, которые оставались в распоряжении княгини

Феодосьи¹³. В одной из этих волостей – Городке (позднее – Федосьин Городок) – и находились Мигачевская с Городищем. Причем известно, что княгиня деятельно распродала земли именно вокруг Городка. Так, ядро вотчин рода князей Монастыревых, приобретших свои земельные владения у Феодосьи, находилось как раз в волости Феодосьина Городка¹⁴. Думается, предприимчивая вдовья княгиня, поправлявшая свое материальное положение или избавлявшаяся от хлопот, связанных с управлением вотчинами, могла быть заинтересована в продаже части владений в пользу монашествующих. Для человека эпохи Средневековья молитвенная поддержка при жизни и после смерти со стороны тех, кто посвятил себя служению Богу, – иноков – была особенно притягательной. Религиозное сознание того времени расценивало молитвенное заступничество монашествующих как чрезвычайно сильное и надежное.

Конечно, предположение о продаже деревень княгиней Феодосьей преподобному Ферапону является только гипотезой, и время купли, если она имела место, остается совершенно неизвестным. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и возможности того, что Мигачевская с Городищем первоначально были проданы княгиней Монастыревым, от которых уже и перешли во владение преподобного Ферапонта. Кстати, именно Монастыревы составили костяк служилой аристократии Андрея Дмитриевича и затем неизменно оставались на вершине удельной иерархической лестницы вплоть до упразднения Белозерского удела в конце XV в.¹⁵. Поступки вас-

салов зачастую повторяли поведение суверенов, и приоритеты первых часто следовали предпочтениям вторых. Как уже было отмечено, еще при князе Андрее Дмитриевиче отношение княжеской семьи к Ферапонтову монастырю проявилось вполне определенно. Поэтому вариант, при котором Мигачевская с Городищем оказались во владении преподобного Ферапонта именно в связи с деятельностью Монастыревых не выглядит невозможным.

После смерти княгини Феодосьи, о времени которой остается только догадываться, власть над всем Белоозером окончательно сосредоточилась в руках князя Андрея Дмитриевича, а оставшиеся потомки белозерских князей оказались на правах его наместников. Только он, верховный властелин, мог давать льготы финансового и судебного характера. Показательно, что именно Андрей Дмитриевич подтвердит и укрепит впоследствии покупку преподобным Кириллом Мигачевской и Городища у преподобного Ферапонта. В жалованной грамоте на имя святого Кирилла Белозерского он укажет, что если «кого на ту пустошь игумен посадить людей, или кто имет жить в починке, и тем людям не надобе моа дань, ни иная никотораа пошлина... А те люди ведаеть и судит игумен Кирило сам»¹⁶.

Правление Андрея Дмитриевича, с которым связаны первые годы становления Ферапонтова монастыря, завершилось 9 июля 1432 г.¹⁷. Владения князя Андрея, ушедшего в лучший мир, были разделены между двумя его сыновьями: старший, Иван Дмитриевич, получил в удел Можайск

и Калугу, младший, Михаил Андреевич, – Верею и Белоозеро. Несколько волостей белозерских земель (к юго-востоку от Череповца и в восточной части княжества), впрочем, принадлежало Ивану Дмитриевичу; из этих владений в 1434/35 (6943) г. им была пожалована в Ферапонтов монастырь «по матери своей по княгине Огрофене» деревня Крохинская (у истока реки Шексны)¹⁸ – это единственное известное пожалование Ивана Дмитриевича в пользу Ферапонтовской обители. Права князя Михаила на Белоозеро «с волостми» признал великий князь Московский Василий Васильевич в докончании, заключенном с Иваном и Михаилом Андреевичами не позднее 31 марта 1434 г.¹⁹. Именно во время долгого правления в Белозерье князя Михаила Андреевича (1432–1486) Ферапонтов монастырь, постепенно делавшийся крупным землевладельцем края, оказывается вовлеченным в гущу важнейших внутривластных событий. Их течение во второй четверти XV в. определялось ходом династической смуты в великом княжестве Московском²⁰, и Ферапонтов монастырь оказался в числе тех обителей, которые сделали выбор в пользу одной из противоборствующих сторон. В значительной степени именно вовлечение монастыря преподобного Ферапонта в политику сказалось на росте его церковного значения во второй половине XV столетия.

Князь Михаил Андреевич, ставший новым покровителем Ферапонтова монастыря, оказывал ему значительную поддержку. Как уже отмечалось, не известно никаких подробностей ни об одном из пожалований

в обитель со стороны его отца, князя Андрея Дмитриевича, хотя они, несомненно, имели место. А от эпохи Михаила Андреевича имеются сведения о двенадцати жалованных грамотах, которые сохранились в подлинниках, копиях или известны по упоминаниям²¹. Любопытно, что половина этих грамот относится именно к периоду династической смуты в великом княжестве Московском: на рыбную ловлю и беспошлинную торговлю рыбой²², с разрешением жителям села Крохинского чистить болото²³, на монастырские пустоши и пожни²⁴, на право покупки пустоши у Тупика²⁵, на земли и пустоши по течению рек Короткой и Улома²⁶, на лес по реке Сусле²⁷. Как видно, покровительство князя Михаила Ферапонтову монастырю, с экономической точки зрения, было достаточно серьезным, уже в течение 30-х – начала 50-х гг. XV в. монастырь получил разнообразные пожалования. Правда, необходимо учитывать, что в начальные годы княжения Михаил Андреевич, вероятно, еще был мал, и распоряжения исходили не от него лично, а от его окружения, в первую очередь – старшего брата Ивана²⁸.

Помимо разного рода пожалований, что определяло известную зависимость обители от белозерского удельного князя, можно говорить и о так называемом патронатстве с его стороны²⁹, которое выражалось в некоторой административной власти Михаила Андреевича над монастырем. Самое важное – игумен монастыря, выбираемый братией, должен был утверждаться князем. Так, например, произошло во время игуменского избрания преподобного Мар-

тиниана (не позднее 1435 г.³⁰): после наречения братия «идоша о нем бити челом князю Михаилу Андреевичу и сродником его, но понеже то и оччина их бяше и великую веру дръжат к Пречистой Богородици в Ферапонтов монастырь»³¹. В одной из редакций Жития вместо «сродников», которым следовало «бити челом», называется Иван Андреевич, брат князя Михаила, что может служить дополнительным аргументом в пользу малолетства Михаила Андреевича в момент избрания Мартиниана. Да и само слово «сродники» вовсе не обязательно является этикетным выражением – Житие преподобного могло отразить реалии, характерные для того времени, когда от имени малолетнего белозерского правителя распоряжалось его ближайшее окружение.

Насколько трепетно относился князь Михаил к своему праву патроната, ярко засвидетельствовано конфликтом, разгоревшимся в 1460-е годы вокруг Кирилло-Белозерского монастыря, который, как и Ферапонтов, входил в его «отчину». Наиболее подробно фактическую сторону этого конфликта изложил во время судебного разбирательства в 1478/1479 г. Иван Ципля, дьяк Михаила Андреевича: «Поставил было Трифон архиепископ в Кирилов монастырь игумена Филофея, брата своего родново, а без ведома и без вельенья государя моего князь Михайла Андреевича. И государь мой князь Михайло Андреевичь того игумена Филофея велел поимати и оковати, да и монастырь велел у него отняти, а игуменити ему не велел; и учинил... в Кирилове монастыре игумена Касьяна, по чело-

битью и по прошению всеа братьи старцов Кирилова монастыря... и судил его государь мой князь Михайло, опричь духовных дел, а в духовных, господине, делех игумена ведает архиепископ». Дьяк Иван Ципля подчеркивал, что судил «того Кирилова монастыря игумена государя моего княж Михайлов отец – князь Андрей Дмитриевич, ...а после отца своего того Кирилова монастыря игумена судил государь мой князь Михайло Андреевич и до сих мест»³². Иван Ципля сравнил Кириллов монастырь, находящийся «у государя моего», с положением придворных великокняжеских обителей Спаса на Бору и Симоновского в Москве, а также во имя святителя Николая на Угреше. Патронатный Ферापонтов монастырь, очевидно, имел такой же статус «у государя» Михаила Андреевича, как и Белозерский. Соответственно, князь Михаил должен был придерживаться в его отношении столь же решительных взглядов, как и в отношении обители преподобного Кирилла³³.

Таким образом, совокупность известных данных позволяет говорить о теснейших связях, существовавших между Ферапонтовой обителью и князем Михаилом Андреевичем Белозерским уже в первое время после его вокняжения. Причем стоит полагать, что находившийся в большой зависимости от него монастырь мог неминуемо втягиваться и в политическую деятельность своего покровителя. Какой же была эта деятельность в те годы? Князь Михаил являлся видным участником династической смуты второй четверти XV в. в великом княжестве Московском. А. А. Зи-

мин называет его, наряду с серпуховским князем Василием Ярославичем, наиболее преданным союзником великого князя Московского Василия II Васильевича Темного³⁴, боровшегося за верховную власть со своим дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским, а затем и его сыновьями. Принципиально важным является то, что Михаил Андреевич был женат на дочери князя Ярослава Владимировича Серпуховского, вторая дочь которого находилась замужем за великим князем Василием II Васильевичем Темным. Безусловно, именно этим во многом определялась та последовательная и постоянная поддержка, которую оказывал великому князю Московскому его свояк с Белоозера³⁵. В 1434 г. Юрий Дмитриевич Звенигородский совершил военный поход в Белозерье, на волости князя Михаила, сопровождавшийся захватом полона; наверняка, это был контрудар, нанесенный в ответ на предпринятый чуть ранее поход войск Михаила Андреевича против Галича в составе коалиции Василия Васильевича Темного³⁶. Любопытно, что ни о каких пожалованиях в Ферапонтов монастырь ни со стороны Юрия Дмитриевича, ни со стороны его детей не известно. Было бы неправомерно считать, что только позиция монастыря по отношению к противоборствующим сторонам стала причиной этого. В конце концов, до нашего времени дошли далеко не все акты той поры. Но и исключать такой возможности совсем нельзя.

Стоит отметить еще одну силу, которая оказывала влияние на Ферапонтов монастырь. Это – епархиальная администрация. Каким бы

значительным ни был характер патрона светской власти по отношению к обители, чисто церковные вопросы решались на уровне епархии: выдача антиминсов для храмов, рукоположение иеромонахов, суд по духовным вопросам и т.д. – все это исходило от архиерея. В годы династической смуты второй четверти XV века в великом княжестве Московском Ростовскую епархию, в пределах которой находился Ферапонтов монастырь, возглавлял владыка Ефрем (на кафедре с 1427 года, с 1448 г. – архиепископ). Считается, что владыка Ефрем являлся одним из самых влиятельных епископов той поры. Возможно, он даже мог быть претендентом на рукоположение в митрополиты вся Русь после смерти митрополита Фотия³⁷. В годы усобицы в роду потомков Дмитрия Донского, когда в течение нескольких лет пустовала митрополия вся Русь, Ефрем (при традиционном отстранении архиепископа Новгородского от общерусских церковных дел), оказывался старшим по иерархии среди архиереев. И хотя он никогда не был местоблюстителем митрополичьего престола, его иерархическое первенство – во время проведения церковных соборов, например, – могло играть определенную роль. Вполне очевидно и то, что владыка Ефрем являлся решительным противником галичских князей – Василия Косого и Дмитрия Шемяки, детей Юрия Дмитриевича Звенигородского. Противостояние владыки Ростовского с детьми Юрия подтверждают следующие примеры: весной 1435 г., перед началом военных действий, его «пограбил» Василий Косой; в 1436 г., после девяти-

тинедельной осады Устюга, по приказанию Василия Косого, был повешен устюжский десятильник епископа Ефрема Иов Булатов; в 1446–1447 гг. владыка являлся деятельным участником противостояния Дмитрия Шемяки с Василием Темным, выступая на стороне последнего; высоко ценивший заслуги епископа Ефрема Василий Темный в 1448 г., после заключения перемирия с Шемякой, приехал из Костромы в Ростов, где праздновал Благовещение и Пасху, а в декабре того же года, наверняка по инициативе великого князя, владыка был рукоположен в архиепископы³⁸. Ефрем Ростовский известен также и как вкладчик, например, в 1434 г. он передал Троице-Сергиеву монастырю – наиболее авторитетной обители Северо-Восточной Руси свою пустошь «в Карачеве у святого Дмитрия»³⁹. Тот год был одним из самых примечательных в период московской межкняжеской усобицы: в марте Юрию Дмитриевичу Звенигородскому удалось сесть в Москве на великокняжеском престоле, однако 5 июня он скоропостижно умер, что привело к существенному изменению политических раскладов⁴⁰.

Таким образом, необходимо подытожить, что во второй четверти XV в., в период династической смуты в роду потомков Дмитрия Донского, обе местных власти (удельная светская и епархиальная), в непосредственном поле действия которых находился Ферапонтов монастырь, не только являлись заметными участниками междоусобицы, но и стояли на стороне Василия Васильевича Темного. Более того, именно удельный князь Михаил Андреевич и владыка

Ростовский Ефрем могут рассматриваться одними из наиболее уверенных последователей великого князя Московского Василия среди всех его сторонников. Эти выводы крайне важны для анализа событий, случившихся в Белозерье в конце 1446 г.

Драматическая история 1446 г., связанная с захватом великого князя Василия Темного по приказу Дмитрия Шемяки во время богомолья в Троице-Сергиевом монастыре, последовавшие затем ослепление и заточение его в Угличе вместе с семьей, что вылилось в недовольство широких слоев общества, завершилась осенью того же года. На специально созванном церковном соборе состоялось примирение Дмитрия Шемяки и Василия Темного. Шемяка утвердил свою власть в качестве великого князя Московского, а его слепой соперник получал в удельное владение Вологду. Соглашения между князьями по обычаю того времени были закреплены целованием креста и проклятыми грамотами. Однако отбывший после 15 сентября 1446 г. в Вологду Василий Темный недолго мирился со своим положением удельного правителя. Видимо, уже в октябре – первой половине ноября он посетил ряд монастырей Ростовской епархии под Вологдой, и, укрепившись в стремлении сразиться против Дмитрия Шемяки, начал с ним борьбу за восстановление своих великокняжеских прав⁴¹. Среди монастырей, в которых побывал Василий Темный, обычно называют Кириллов, игумен которого Трифон снял с князя «крест и крепость» Дмитрию Шемяке, благословив на возобновление борьбы⁴². Есть основания считать, что Василий

Темный мог совершить паломничество также в Спасо-Каменный и Спасо-Прилуцкий монастыри⁴³. Наверняка он был и в Ферапонтове.

О посещении Василием Темным Ферапонтовой обители подробно свидетельствует Житие преподобного Мартиниана Белозерского. Последовательность действий лишенного своего престола великого князя представлена в Житии следующим образом. После того, как Василий Темный оказался в Вологде, к нему стало стекаться множество сторонников: князей, бояр и воинов. Тогда он послал к великому князю Тверскому Борису, предлагая совместное выступление против Дмитрия Шемяки, и тот согласился на условиях обручения его дочери с наследником Василия Темного, будущим Иваном III. Затем Василий «иде с Вологды помолитися к Пречистой Богородице в Кирилов монастырь. Такжеже и в Ферапонтов прииде с всеми вои своими сущую тамо братию накормити и благословитися от них». Игумен Мартиниан в сопровождении насельников встретил его как почетного гостя за воротами обители, устроил трапезу и благословил на борьбу с Шемякой, который «не Божию волею седе на великом княжении, ...но надеая на гордыню свою». Василий Темный обещал Мартиниану: «Монастырь твои упокою довольно и сътворю тя близ себе»⁴⁴.

Примечательно, что Житие не содержит сведений о снятии преподобным Мартинианом крестного целования Дмитрию Шемяке со стороны Василия Темного. Очевидно, в таком тонком и неоднозначном с духовной точки зрения деле⁴⁵ решения игуме-

на Кириллова монастыря Трифона было вполне достаточно. Но и благословение на продолжение борьбы, помноженное на дальнейшие молитвы за успех предприятия, в условиях того времени тоже значило очень много. Важность роли, которую сыграл преподобный Мартиниан в событиях 1446 г., ярко раскрывается его переводом в игумены самого Троице-Сергиева монастыря, последовавшим по настоянию Василия Темного через некоторое время после занятия Москвы и изгнания Дмитрия Шемяки с великокняжеского престола. Значение этого перевода уясняется еще больше, если учесть, что игумен Трифон также был приближен к великому князю – он занял место архимандрита придворного монастыря Спаса на Бору в Кремле и, видимо, сделался духовником Василия Темного. Таким образом, налицо не только результат участия игуменов двух монастырей Белозерья в московской династической борьбе, но и вполне определенное свидетельство того, какую важность имело это участие для победителя «замятни».

В историографии богомолье Василия Темного осени 1446 г. обычно рассматривается как событие, по сути, самопроизвольное, не связанное или мало связанное с позицией посещенных великим князем обителей до его визита. Складывается ощущение, что Василий Темный, нуждавшийся в снятии с него крестного целования и духовной поддержке, в принципе, мог выбирать любые обители для достижения этой цели, и, в лучшем случае, на его решение оказывал влияние только духовный авторитет иноческой кор-

порации⁴⁶. Думается, такой взгляд является не совсем правильным. По крайней мере, в отношении Ферапонтова монастыря, ибо изучение его истории первой половины XV века позволяет делать гораздо более определенные умозаключения.

Совокупность имеющихся фактов наводит на мысль, что поездка Василия Темного в Ферапонтово могла быть отнюдь не случайной. Выше уже отмечалась тесная связь обители с князем Михаилом Андреевичем Белозерским, который, в свою очередь, являлся последовательным сторонником Василия Темного. Шла речь и о владыке Ефреме, также уверенно поддерживавшем Василия Васильевича, в чьей епархии находился Ферапонтов монастырь. Не эти ли отношения определили выбор слепым князем той обители, где его могли поддержать и благословить на продолжение борьбы? Ведь никаких связей между обителью преподобного Ферапонта и великими князьями Московскими до 1446 года не прослеживается. Все это время, с момента своего основания, Ферапонтов монастырь продолжал оставаться и в духовном, и в политическом, и в экономическом смысле обителью местной, удельной, исключительно белозерской – такие монастыри С. Б. Веселовский называл «провинциальными»⁴⁷. Только через отношения с князем Михаилом Андреевичем тянулась от Ферапонтова монастыря ниточка на самый верх политической пирамиды – к великому князю Московскому. Можно предположить, что именно Михаил Андреевич посоветовал Василию Темному обратиться за ду-

ховной поддержкой в ФерAPONTOVO осенью 1446 года. Сложно сказать, был ли на стороне Василия Темного преподобный Мартиниан до его визита, или игумену пришлось считаться с позицией патрона его монастыря, который, не исключено, использовал свой административный ресурс. В равной степени необходимо учитывать и возможное влияние владыки Ефрема. Епархиальный архиерей должен был иметь представление о том, каковы позиции в отношении московской

«замятни» в монастырях его епархии, а также предполагать, где сверженный с престола великий князь может найти духовную поддержку особого рода – благословение на возобновление борьбы. Допустимо, что и владыка Ефрем был причастен к выбору, который сделал Василий Темный, отправляясь на богомолье по монастырям Ростовской епархии осенью 1446 года.

Примечания

¹ Эта точка зрения отражена, например, в названии книги, представляющей наиболее полное исследование истории обители преподобного ФерAPONTOVA: Бриллиантов И. И. ФерAPONTOV Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания 1398–1898 г. СПб., 1899.

² Православные монастыри. Путешествие по святым местам: ФерAPONTOV Белозерский Богородице-Рождественский монастырь. М., 2009. № 13.

³ Серебрякова М. С. О дате основания ФерAPONTOVA монастыря // История и культура Ростовской земли, 2000. Ростов, 2001. С. 32–38.

⁴ Шелкова Е. Н. Антиминс 1409 года из собора Рождества Богородицы. К истории вопроса – В настоящем сборнике; Ср.: Шаромазов М. Н. Антиминс 1409 года из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника и начальный период истории ФерAPONTOVA монастыря // ФерAPONTOVский сборник. М., 2002. Вып. 6. С. 25–32.

⁵ Можайский Лужецкий Богородице-Рождественский монастырь, согласно устоявшемуся мнению, которое не имеет прямых документальных подтверждений, был основан в 1408 году (В 2008 г. XVI Российская научная конференция, посвященная памяти святителя Макария, была посвящена 600-летию Лужецкой обители, см.: Макариевские чтения. Можайск, 2009). Однако если предположение о возникновении ФерAPONTOVA монастыря в сентябре 1409 г. верно, то дата основания Можайской Лужецкой обители также нуждается в пересмотре.

⁶ Житие ФерAPONTOVA Белозерского // Преподобные Кирилл, ФерAPONTOV и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 232; Серебрякова М. С. Принципы реконструкции свода грамот ФерAPONTOVA монастыря XV века // ФерAPONTOVский сборник. М., 2002. Вып. 6. С. 40–41.

⁷ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 223; см. также: № 204.

⁸ По мнению М. С. Серебряковой, такая же «ободная» грамота, в которой подтверждались пожалования великой княгини Евдокии (Евфросинии), была дана князем Михаилом Андреевичем в феврале 1473 г. и в ФерAPONTOV монастырь (Серебрякова М. С. Принципы реконструкции свода грамот ФерAPONTOVA монастыря... С. 42, 48). Однако, во-первых, вовсе не обязательно, что ФерAPONTOV монастырь получил «ободную» грамоту одновременно с Кирилловым, во-вторых, неизвестно, присутствовало ли там имя бабки князя. Строго говоря, нельзя сбрасывать со счетов следующее: автор Жития преподобного ФерAPONTOVA, без малого через полтора века видевший в монастырском архиве жалованные грамоты начала XV столетия, мог перепутать мать князя Андрея Дмитриевича с его женой. В конце концов, о каких-либо пожалованиях монастырям со стороны жены Андрея Дмитриевича, Аграфены, кроме свидетельства данного Жития, неизвестно.

- 9 АСЭИ. Т. 2. № 2; Издатели датировали грамоту 1397–1408 гг., исходя из устоявшихся к тому времени представлений об основании Кирилло-Белозерского монастыря и ухода преподобного Ферапонта в Можайск.
- 10 Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л., 1951. С. 88–89; Автор считает, что эти земли были проданы Кириллу из-за их удаленности от Ферапонтовой обители.
- 11 По мнению М. С. Серебряковой, преподобный Ферапонт не только купил деревню Мигачевскую до поселения в Белозерье, но и в первое время после обоснования здесь именно в ней жили совместно с преподобным Кириллом (Серебрякова М. С. О начале Кириллова и Ферапонтова монастырей // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 16–42).
- 12 Грязнов А. Л. Белозерский княжеский род в конце XIV–XV вв. // История и культура Ростовской земли, 2005. Ростов, 2006. С. 197.
- 13 Копанев А. И. Указ. Соч. С. 33–34, 40.
- 14 Там же. С. 32, 34.
- 15 Грязнов А. Л. Двор Верейско-Белозерских князей в 1389–1486 годах // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 24–51.
- 16 АСЭИ. Т. 2. № 9.
- 17 Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 320.
- 18 АСЭИ. Т. 2. № 317; Бриллиантов И. Указ. Соч. С. 79–80; Копанев А. И. Указ. Соч. С. 42.
- 19 ДДГ. М.; Л., 1950. № 31. С. 81.
- 20 Употреблявшееся вплоть до недавнего времени название внутрдинастической смуты в роду потомков Дмитрия Донского как «феодалной войны второй четверти XV века» в настоящее время используется все реже.
- 21 Серебрякова М. С. Принципы реконструкции свода грамот Ферапонтова монастыря... С. 43–51.
- 22 АСЭИ. Т. 2. № 318 (ок. 1435–1447 гг.).
- 23 Там же. № 320 (ок. 1435–1447 гг.).
- 24 Там же. № 321 («А дана грамота того лета, коли государь князь Михайло Ондреевич женился»).
- 25 Там же. № 322 (1437/38 г.).
- 26 Там же. № 324 (ок. 1449/50 г.).
- 27 Там же. № 325 (ок. 1450–1454 гг.).
- 28 Семенченко Г. В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986. С. 156.
- 29 Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 552. Комментарий 13* (комментарий Б. Н. Флори).
- 30 Шевченко Е. Э. Преподобные Ферапонт и Мартиниан Белозерские // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 190.
- 31 Житие Мартиниана Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 246.
- 32 АСЭИ. Т. 2. № 315. С. 280–281; Семенченко Г. В. Церковно-политическая борьба на Белозерье в 60-х годах XV века // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1987. С. 122.
- 33 Согласно завещанию преподобного Кирилла, степень зависимости его монастыря от светской власти правящего белозерского князя должна была быть очень большой, частично включая даже «дела духовные» – соблюдение монастырского устава (подробнее см.: Семенченко Г. В. Завещания церковных иерархов... С. 154–155).
- 34 Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV века. М., 1991. С. 76.
- 35 Там же. С. 22; после захвата Москвы Юрием Дмитриевичем Звенигородском в 1434 г. Михаил

Андреевич признал его великим князем, что, по справедливому мнению А. В. Экземплярского, ему пришлось сделать вынуждено (Экземплярский А. В. Указ. Соч. С. 330).

³⁶ ДДГ. № 32. С. 83.

³⁷ Зимин А. А. Указ. Соч. С. 84; Тарасов А. Е. Возвышение митрополита Ионы. Из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV века // Вестник московского университета. Серия 8. История. М., 2005. № 2. С. 115.

³⁸ Кузьмин А. В. Ефрем // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 34–35; По мнению О. А. Абеленцевой, нет убедительных оснований считать владыку Ефрема сторонником Василия Темного (Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.: СПб., 2009. С. 218. Примечание 69). Однако аргументация автора строится на неоднозначной критике лишь некоторых отдельных фактов, связанных с деятельностью владыки, совокупность же всех имеющихся сведений о нем не рассматривается.

³⁹ Архив РАН. Ф.620. Оп.1. Ед. Хр.20. Л.3. Веселовский С. Б. Черновики исследования о хозяйстве Троице-Сергиева монастыря.

⁴⁰ Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 44–50.

⁴¹ ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 153–154; М.; Л., 1967. Т. 27. С. 273; Точное время посещения монастырей и возобновления борьбы Василием Темным неизвестно, однако судя по тому, что весь Рождественский пост (15 ноября – 25 декабря) 1446 г. Дмитрий Шемяка находился в боевой готовности в Волоколамске, сделал его своей базой, к середине ноября новый виток усобицы уже начался.

⁴² Там же. М., 2001. Т. 6. Вып.2. Стб.118.

⁴³ Никонова М. Г. Церковь и феодальная война 1425–1453 гг. Дипломная работа, выполненная на кафедре истории СССР периода феодализма исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. С. 111–113.

⁴⁴ Житие Мартиныана Белозерского. С. 254, 256.

⁴⁵ О значении целования креста см: Стефанович П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып.5. С. 86–113.

⁴⁶ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 102–103; По А. А. Зимину вообще получается, что Василий Темный поехал в Кириллов только из-за политических соображений – выяснить позицию князя Михаила Андреевича Белозерского, – и неожиданно получил там от игумена Трифона освобождение от крестного целования (Зимин А. А. Указ. соч. С. 117); ср.: Сизова Е. А. Память о преподобном Мартиныане Белозерском. М., 2010. С. 27.

⁴⁷ С. Б. Веселовский показал, что девять десятых всех монастырей Северо-Восточной Руси в своем землевладении не выходили за пределы того уезда, в котором находились. Среди них были, конечно, и такие, которые могли иметь огромное значение в религиозной жизни, но в экономическом отношении они по-прежнему оставались местными (Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. Хр. 12. Л.3–4 об. С. Б. Веселовский. Стенограмма доклада о владениях Троицкого монастыря в первой половине XV века). В первой половине XV в. Ферапонтов монастырь не играл сколько-нибудь заметной роли, не только в экономической, но и в духовной жизни Руси.